

УДК 343.1

**ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ
КАК ФОРМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ
ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ**

А. Ю. Астафьев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 18 августа 2013 г.

Аннотация: затрагивается проблема влияния Верховного Суда РФ на нижестоящие суды. Автор приходит к выводу, что признание решений Верховного Суда РФ нижестоящими судебными инстанциями имеет не правовое, а психологические основания. Ориентация на позицию Верховного Суда РФ является установкой, не совместимой с принципом независимости судей.

Ключевые слова: толкование закона, судебная практика, постановления Пленума Верховного Суда РФ, независимость судей.

Abstract: the article touches upon the problem of influence of the Supreme Court of Russian Federation on the lower courts. The author comes to the conclusion that admission of the binding authority Supreme Court decisions by inferior courts has a psychological but not a legal grounds. In any events such admission is incompatible with the principle independence of judges.

Key words: interpretation of law, judicial practice, decisions of the Plenum of the Supreme Court of Russian Federation, independence of judges.

Разъяснения закона высшими судебными органами и принимаемые ими решения по конкретным делам оказывают значительное влияние на отправление правосудия нижестоящими судами.

Специфика механизма уголовно-процессуального регулирования состоит в том, что законодательство дополняется судебными актами. Объективная невозможность всесторонней законодательной регламентации уголовно-процессуальной деятельности создает условия конкретизации закона в разъяснениях Верховного Суда РФ. Примером может служить уточнение положения УПК РФ о необходимости возвращения уголовного дела прокурору, если обвинительное заключение (обвинительный акт) составлено с нарушением требований УПК РФ, исключающих возможность вынесения судебного решения (п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ). В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 разъясняется, что нарушениями уголовно-процессуального закона, допущенными при составлении обвинительного заключения или обвинительного акта, является несоответствие обвинения, изложенного в обвинительном заключении или обвинительном акте, обвинению, изложенному в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого; отсутствие в обвинительном заключении или обвинительном акте указания на прошлые судимости

413

обвиняемого, данные о месте нахождения обвиняемого, данные о потерпевшем, если он был установлен по делу, и др.¹

Аналогичным образом в постановлении Пленума от 23 декабря 2008 г. № 28 (утратило силу 27.11.2012) Верховный Суд РФ дополнил перечень оснований отмены приговора, содержащийся в УПК РФ, разъяснив, что нарушениями уголовно-процессуального закона, влекущими отмену обвинительного приговора, являются: невручение или несвоевременное вручение обвиняемому копии обвинительного заключения или обвинительного акта; осуществление одним и тем же лицом защиты двух и более подсудимых, если интересы одного из них противоречат интересам другого и др.² Необходимость такого толкования логически следовала из весьма абстрактной формулировки ч. 1 ст. 381 УПК РФ (в действующей редакции – ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ) – «существенные нарушения, которые... иным путем повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения».

Неполнота закона, его недостаточная ясность, порождают противоречивые тенденции в правоприменении. Верховный Суд РФ, выявив их, может обратиться – и довольно часто обращается – с законодательной инициативой в Государственную Думу РФ, реализуя свои конституционные полномочия. Нередко необходимость судебного толкования обусловлена инертностью законодателя в устранении явных пробелов в Уголовно-процессуальном кодексе, когда такого рода недостатки длительное время остаются неисправленными. Большое количество вопросов возникало у судей, например, при рассмотрении дел в особом порядке в связи с излишней лаконичностью установленных в УПК РФ правил осуществления данной процедуры. Верховный Суд РФ, изучив практику применения особого порядка нижестоящими судами, принял постановление Пленума от 5 декабря 2006 г. № 60, в котором значительная часть проблемных вопросов была разрешена. При этом в УПК РФ порядок осуществления ускоренного судопроизводства до сих пор не претерпел изменений.

В условиях несовершенства законодательства соблюдение принципа законности предполагает единообразное применение правовых норм, которое достигается, в первую очередь, благодаря разъяснениям УПК РФ в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Уголовно-процессуальный кодекс не запрещает судам ссылаться на них в приговорах, хотя в отличие от АПК РФ не содержит прямого указания на возможность ссылок на разъяснения высшего судебного органа (ч. 4 ст. 170 АПК РФ). В текстах приговоров правовые позиции Верховного Суда РФ используются, как правило, без ссылок на соответствующие постановления Пленума.

¹ Пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5.

² Пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 28 от 23 декабря 2008 г. «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах кассационной и апелляционной инстанций» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 3.

Основной причиной для критики является то, что постановления Пленума Верховного Суда РФ иногда подменяют уголовно-процессуальный закон, создавая новые правовые нормы. Расширительное толкование права в результате превращается в правотворчество. Пленум Верховного Суда РФ, скажем, указывает на невозможность применения особого порядка принятия судебного решения в отношении несовершеннолетнего³, несмотря на то что в УПК РФ такой запрет отсутствует. Термин «норма», впрочем, не вполне соответствует сущности данных предписаний. Правильнее рассматривать их скорее как «квазинормы», учитывая отсутствие четких представлений относительно юридической силы актов разъяснения закона Верховным Судом РФ.

В 2005 г. Европейский суд по правам человека вынес решение по делу «Бакланов против России». Причиной жалобы заявителя стала конфискация его денежных средств по приговору суда. Правовым основанием конфискации послужило постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 марта 1978 г. «О судебной практике по делам о контрабанде», позволявшее производить конфискацию предметов контрабанды, приобщенных к материалам дела в качестве вещественных доказательств. При этом согласно действовавшему на момент рассмотрения дела УПК РСФСР изъятию подлежали нажитые преступным путем денежные средства и иные предметы (ст. 86). УК РФ в отличие от действовавшего в 1978 г. уголовного законодательства также не предусматривал на момент постановления приговора конфискацию в качестве санкции за совершение преступления.

Европейский суд установил, что национальное законодательство не было сформулировано настолько точно, чтобы заявитель мог предусмотреть последствия своих действий. Причем как закон рассматривалось и постановление Пленума Верховного Суда СССР, но как закон, «который более не имеет юридической силы». Европейский суд счел, что судами Российской Федерации не были приведены правовые положения в качестве основания изъятия денежной суммы⁴. Выступивший с особым мнением судья А. Ковлер подчеркнул, что двусмысленные положения национального законодательства с успехом заменяются указаниями Верховного Суда.

Следует добавить, что формирующие судебную практику позиции Верховного Суда РФ по определенным вопросам изменчивы. Еще раз обратимся к процедуре судебного разбирательства по правилам гл. 40 УПК РФ. В законе не содержится указаний относительно того, является ли признание обвиняемым гражданского иска обязательным условием рассмотрения дела в особом порядке. Первоначально Верховный Суд РФ разъяснил, что признание гражданского иска необходимо для проведения судебного разбирательства в особом порядке⁵, однако затем

---

³ Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 2.

⁴ Постановление ЕСПЧ по делу «Бакланов против России» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 10. С. 81, 88–98.

⁵ Пункт 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5.

пересмотрел высказанную им позицию, признав, что в удовлетворении гражданского иска может быть отказано, а также принято решение о передаче иска на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства, если это не повлечет изменений фактических обстоятельств дела⁶.

Равным образом изменилось мнение Верховного Суда РФ относительно возможности выделения уголовного дела в отношении обвиняемого, ходатайствующего о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства, если другие обвиняемые не заявляют соответствующих ходатайств. Впервые рассматривая практику применения судами особого порядка в постановлении Пленума от 5 апреля 2004 г. № 1, Верховный Суд РФ разъяснил, что *все* обвиняемые должны заявить о своем согласии с предъявленными им обвинениями и желании рассмотреть их дела в особом порядке (п. 28), однако впоследствии в постановлении Пленума от 5 декабря 2006 г. № 60 признал возможность выделения уголовного дела (п. 7).

Безусловно, произвольное толкование судами при рассмотрении уголовных дел столь важных процессуальных вопросов недопустимо. Вместе с тем желательной представляется их конкретизация в законе. «Инертность законодателя» – весьма условное понятие. Количество изменений, внесенных в УПК РФ за время его действия, многократно превышает количество постановлений Пленума Верховного Суда РФ, раскрывающих содержание уголовно-процессуальных норм.

Характерно, что постановления Верховного Суда РФ формулируются как предписания императивного характера, о чем свидетельствует сама терминология, используемая в них: «с целью обеспечения единообразного и *правильного* применения уголовно-процессуальных норм», «судам следует *руководствоваться* разъяснением, содержащимся в...» и др. Обязательность исполнения содержащихся в них правоположений иногда подчеркивается в названии соответствующих постановлений – «О выполнении судами постановления Пленума Верховного Суда РФ от...», «О ходе выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда РФ...» и др. В обобщениях судебной практики регионального уровня можно встретить указания на то, что суды *нарушают положения постановлений Пленума Верховного Суда РФ*⁷, тогда

---

⁶ Пункт 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 (в ред. от 24.02.2010) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

⁷ См.: *Медведский А.* Особый порядок судебного разбирательства требует особого внимания (о применении главы 40 УПК РФ судами Курской области). URL: http://oblsud.krs.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=45. На фактическом признании постановлений Пленума Верховного Суда РФ равнозначными нормативно-правовым актам основываются предложения некоторых авторов ввести процедуру их оспаривания нижестоящими судами и заинтересованными лицами (см.: *Анишина В. И.* Постановления Пленумов высших судов Российской Федерации : правовая природа, место и роль в правовой системе // Рос. судья. 2008.

как с точки зрения буквы закона, повторим, нельзя сделать однозначного вывода об их юридической силе. Согласно Федеральному конституционному закону «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», они не имеют руководящего характера для нижестоящих судов и не являются для них обязательными, как, например, постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ (ч. 2 ст. 13 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации»). Полагаем, не будет преувеличением сказать, что признание судами постановлений Пленума Верховного Суда РФ обязательными для исполнения имеет не правовое, а психологическое основание.

Проблема юридической силы разъяснений Верховного Суда обсуждалась еще в советской литературе. М. А. Гурвич высказал, на наш взгляд, справедливое мнение о том, что суды при решении конкретных дел могут отступать от руководящих разъяснений пленумов, но при этом не вправе оставить их без внимания и обязаны мотивировать отступление от руководящих указаний⁸. Законодатель, однако, пошел по иному пути. В соответствии со ст. 3 Закона «О Верховном Суде СССР» 1979 г. руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР признавались обязательными для нижестоящих судов. В ст. 56 Закона «О судостроительстве в РСФСР» 1981 г. было однозначно указано на обязательность руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РСФСР. Соответственно Верховный Суд СССР осуществлял контроль за выполнением судами разъяснений Пленума Верховного Суда СССР, Верховный Суд РСФСР – за выполнением разъяснений Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного Суда РСФСР.

Отсутствие аналогичных норм в действующем законодательстве о судостроительстве вызывает дискуссии о роли постановлений Пленума Верховного Суда РФ в механизме правового регулирования.

№ 5. С. 1–6). Попытки оспорить законность постановлений Пленума Верховного Суда РФ имели место, однако ввиду особого юридического статуса постановлений Конституционный Суд РФ по формальным основаниям не может рассматривать соответствующие жалобы (см.: По делу об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Нащекина Константина Игоревича на нарушение его конституционных прав частями первой, третьей и четвертой статьи 228 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение от 21 декабря 2001 г. № 299-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Родина Андрея Павловича на нарушение его конституционных прав положениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» : определение от 19 мая 2009 г. № 847-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; и др.

⁸ См.: Гурвич М. А. О применении советским судом гражданских законов // Ученые записки ВЮЗИ. 1969. Вып. 15. С. 273–279. Разумеется, относительно правовой природы постановлений Пленума Верховного Суда СССР высказывались и другие, в том числе противоположные, точки зрения. Подробнее см.: Братусь С. Н., Венгеров А. Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в рос. правовой системе / отв. ред. С. Н. Братусь. М., 1975. С. 29–35.

Полагаем, что в настоящее время вопрос заключается не столько в правовом значении разъяснений закона Верховным Судом РФ, сколько в степени их влияния на судебное правоприменение. Такое влияние крайне велико. Ввиду его несомненного характера важной представляется проблема обоснованности постановлений Пленума Верховного Суда РФ. В связи с этим следует отметить, что каждое постановление Пленума вызвано объективной необходимостью, его принятию предшествует значительная работа по обобщению судебной практики и систематизации выявленных ошибок. Принятие постановлений Пленума предваряет также их обсуждение в научно-консультативном совете при Верховном Суде РФ, на проекты постановлений Пленума даются экспертные заключения. Подобная процедура разработки и обсуждения постановлений призвана снизить риск принятия недостаточно обоснованных решений. Надо признать, что постановления Пленума Верховного Суда РФ, несмотря на дискуссионный характер положений некоторых из них, вызывают гораздо меньше споров, чем, скажем, решения Конституционного Суда РФ в сфере уголовного судопроизводства. В целом официальное правоприменительное толкование Верховного Суда РФ положительно сказывается на эффективности правосудия.

Наряду с постановлениями Пленума, одной из форм воздействия Верховного Суда РФ на текущую судебную практику являются его решения, принимаемые при пересмотре конкретных дел в апелляционном, кассационном и надзорном порядке. Формально вышестоящие судебные инстанции не вправе отменить приговор в связи с нарушением единообразия применения нормы права. Одно из главных отличий уголовного процесса от гражданского и арбитражного заключается в том, что в ГПК РФ (ч. 3 ст. 391.9) и АПК РФ (п. 1 ч. 1 ст. 304) предусмотрено такое основание для отмены или изменения судебных решений, пересматриваемых в порядке надзора, как «нарушение единообразия в толковании и применении нормы права», тогда как в УПК РФ оно отсутствует.

Идея прецедентности в уголовном судопроизводстве не находит воплощения и в разъяснениях Верховного Суда РФ, в то время как в гражданском судопроизводстве подобные указания имеют место.

Для Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ нарушением единства судебной практики может считаться вынесение определений, противоречащих постановлениям Президиума Верховного Суда РФ, определениям Судебной коллегии по гражданским делам и Кассационной коллегии Верховного Суда РФ по конкретным делам, содержащим толкования норм материального и процессуального права; материалам официально опубликованных Верховным Судом РФ обзоров судебной практики и ответов на возникшие у судов вопросы в применении законодательства⁹.

Независимо от отмеченных выше объективных различий между формами судопроизводства, в фактическом придании решениям Верховного

---

⁹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 марта 2005 г. № 25-ПВ04 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 9.

Суда РФ по *всем* категориям дел статуса прецедента не последнюю роль играет их опубликование, хотя факт обнародования судебного решения, вопреки встречающемуся в литературе мнению, не усиливает его юридического значения.

Подавляющее большинство судей предпочитают, опасаясь отмены постановленных ими приговоров, следовать принятым по схожим делам решениям Верховного Суда РФ часто вопреки своему внутреннему убеждению. 97 % опрошенных нами судей ответили, что на постановления ими приговоров оказывают влияние решения вышестоящих судов по аналогичным делам.

В распоряжении контролирующих инстанций имеется несколько «управляющих рычагов» воздействия на судей: отмена и изменение приговоров, частные определения в адрес судей, допустивших процессуальные нарушения и др. Существование стандартов, которым должно соответствовать судебное решение, признается в процессе дисциплинарного производства в отношении судей. Так, в представлении председателя Останкинского районного суда г. Москвы о привлечении к дисциплинарной ответственности судьи М. указывалось, что последний допускает пренебрежение «требованиями законов *и судебной практики*»¹⁰.

В истории юридической науки отношение к судебной практике всегда было неоднозначным. В соответствии с процессуальным законодательством дореволюционного периода все решения и определения кассационных департаментов Сената, разъяснявшие точный смысл законов, публиковались «во всеобщее сведение, для руководства к единообразному истолкованию и применению оных» (ст. 933 Устава уголовного судопроизводства, ст. 815 Устава гражданского судопроизводства). Комментируя данные нормы, И. Я. Фойницкий писал, что выражение «для руководства» равнозначно термину «к сведению» и существенно отличается от правила «к исполнению». Оно означает, что документ должен быть изучен судом, но оценка содержащихся в нем распоряжений или указаний подлежит его свободному усмотрению¹¹. Сенат, первоначально настаивавший на безусловной обязательности своих решений для всех судов, впоследствии смягчил данную позицию¹².

Иерархия судов в судебной системе предполагает авторитет вышестоящих инстанций, презумпцию их большей компетенции. В мотиви-

¹⁰ См.: Михайловская И. Б. Процессы управления в судебной системе. М., 2012. С. 86.

¹¹ См.: Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 1. С. 165–166. Стоит отметить, что до революции разъяснения Сената по гражданским и уголовным делам издавались отдельными сборниками так же, как в настоящее время постановления Пленума Верховного Суда РФ (см., например: *Волынский М. Н.* Сборник разъяснений пятого департамента правительствующего сената по вопросам судопроизводства по делам о преступлениях и проступках. СПб., 1892).

¹² См.: Устав уголовного судопроизводства : систематический комментарий / под общ. ред. М. Н. Гернета. М., 1916. Вып. 5. С. 1525–1526.

ровке принимаемых ими решений выражается граничащая с толкованием юридических норм праворазъяснительная деятельность контролирующих инстанций, что обеспечивает стабильность судебной практики. Указания вышестоящих судов, содержащиеся в решениях, принимаемых по итогам пересмотра уголовных дел, являются обязательными при новом рассмотрении уголовного дела (ч. 3 ст. 389.19, ч. 6 ст. 401.16 УПК).

Вместе с тем действие презумпции большей компетентности имеет свои пределы. Вышестоящая инстанция, отменяя судебное решение и направляя дело на новое рассмотрение, не может принуждать суд более низкого звена к определенному разрешению дела. На это обращает внимание Конституционный Суд РФ, указывающий, что судья (суд), не согласный с мнением вышестоящей инстанции, сформулированным применительно к существу уголовного дела и выступающим, с его точки зрения, в качестве препятствия для вынесения правосудного приговора, вправе при новом рассмотрении дела принять процессуальное решение самостоятельно в пределах собственной компетенции¹³. Если приведенное положение применимо по отношению к позиции контролирующих инстанций по конкретному делу, рассматриваемому судом, то тем более оно справедливо по отношению к позиции вышестоящих судов по аналогичным делам. Негласное признание судьями правильности таких позиций продиктовано прагматическими соображениями (боязнь отмены собственных решений) и несовместимо с принципом независимости судей, имеющим не меньшее значение для эффективной работы судебной системы, чем единообразие судебной практики. Когда судья убежден в правильности своих выводов по делу, его профессиональный долг – принять самостоятельное решение, руководствуясь, как предписывает УПК, «законом и совестью». Чем больше подобных решений станет приниматься, тем вероятнее будет перспектива изменения сложившейся практики.

Проблема влияния правоприменительного толкования и правоприменительной практики высших судебных органов на осуществление правосудия затрагивается на международно-правовом уровне, что свидетельствует о ее существовании не только в российском правовом порядке. Так, в «Рекомендации Киевской конференции по вопросам независимости судебной власти в странах Восточной Европы, Южного Кавказа

---

¹³ См.: Пункт 2 описательно-мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 5 ноября 2004 г. № 380-О «По запросу Всеволожского городского суда Ленинградской области о проверке конституционности части шестой статьи 388 и части первой статьи 402 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 3. Ст. 232 ; Пункт 2 описательно-мотивировочной части определения Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2006 г. № 608-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Казакова Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав пунктами 3 и 5 части первой статьи 408 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; и др.

и Центральной Азии» содержится, на наш взгляд, три принципиальных положения, имеющих отношение к затронутой теме:

1) для обеспечения внутренней независимости не следует поощрять издание судами высших инстанций директив, разъяснений и резолюций. В любом случае данные документы не должны быть обязательными для нижестоящих судов;

2) рекомендательный характер должны иметь и образцовые решения высших судов и решения, специально подготовленные для создания прецедентов;

3) единообразию в интерпретации закона следует поддерживать при помощи исследования судебной практики, но у документов, отражающих результаты такого исследования, также не должно быть обязательной силы¹⁴.

Несмотря на всю очевидную правильность содержащихся в «Киевской рекомендации...» положений, думается, что и непосредственное их закрепление в национальном законодательстве не принесет надлежащего эффекта. Ориентация на позиции вышестоящих судебных инстанций представляет собой сложившийся стереотип в правоприменении, который может быть преодолен лишь при условии пересмотра существующей оценки работы судьи, когда решающим фактором является количество отмененных и измененных решений. Именно перспектива отмены приговора, крайне нежелательная для судьи, заставляет его пренебрегать собственным усмотрением при вынесении приговора. Дефекты организационного характера порождают, таким образом, негативные процессуальные последствия. Необходимо устранение причин, лежащих в основе влияния правоприменительного толкования и правоприменительной практики Верховного Суда РФ на осуществление правосудия нижестоящими судами. Иными словами, необходимо изменение подходов к оценке правосудия.

---

¹⁴ Рекомендации Киевской конференции по вопросам независимости судебной власти в странах Восточной Европы, Южного Кавказа и Центральной Азии : приняты 23–25 июня 2010 г. URL: <http://www.iauaj.net/node/505> (дата обращения: 05.05.2013).

Воронежский государственный университет

*Астафьев А. Ю., преподаватель кафедры уголовного процесса
E-mail: woltgam@rambler.ru
Тел.: 8-950-759-13-63*

Voronezh State University

*Astafiev A. Yu., Lecturer of the Criminal Process Law Department
E-mail: woltgam@rambler.ru
Tel.: 8-950-759-13-63*